

ЛИНЕАРНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИСТОРИИ

Линеарная концепция истории выражает идею прямолинейности общественного развития и связана использованием образа или фигуры линии в историческом объяснении. Сама по себе прямолинейность не указывает четко направления развития; возможно развитие и "вперед", и "назад", и даже "вбок". Здесь главное — не само направление, а жесткое, непрерывное, выстраиваемое в линию следование однажды принятому направлению. В контексте развития, которое привычно ассоциируется с переходом от простого к сложному, от низшего к высшему, от старого к новому и т.п., прямолинейность приобретает четко выраженную устремленность вперед, к будущему.

Прямолинейность и история Прямая линия исторического развития — насколько она реальна? Не выдумка ли это досужего ума исследователей? Непредвзятое знакомство с историческими фактами может привести к противоположному образу — кривая, даже ломаная линия. Прямое эмпирическое наблюдение событий, охватываемых жизнью одного поколения, подсказывает тот же образ, ту же историческую конфигурацию. Действительно, прямым ход истории назвать никак нельзя. Наряду со спокойным, благополучным, плавным течением, периодами крутого и стремительного набора высоты (они могут быть представлены отрезками прямой линии) в истории много отступлений, "попятных" и боковых движений, зигзагов, провалов и пр.

Выше уже говорилось, что не все, происходящее в истории, есть история. Уточним это положение: эмпирически обобщаемая, фактографически представляемая история — это тоже еще не вся история. Она богата различными глубинными токами, подспудными движениями, причудливыми, неожиданными по своей сочетаемости и направленности. Но и ими нельзя ограничиться: многочисленность, разность (различность) не могут быть самодостаточными. История продолжается в том (и это главное), что стягивает, сводит воедино, завершает все ее элементы, уровни, связи (те же токи, движения и т.д.). На этом пути она обретает целостность, растет в целое и только впервые конституируется. Конечно, понимание данного процесса может быть разным. Но для нас он видится как вызревание и нарастание определенной тенденции, осевого, центростремительного направления развития. Тенденция выравнивает и спрямляет фактическую кочковатость и угловатость жизненного материала истории и в пределе дает нам прямую линию.

Следовательно, последнюю можно рассматривать как форму упрощения, результат идеализации реального исторического процесса. Но не будем забывать, что упрощение и идеализация здесь тоже реальные, исторически предметны. Теоретическое, умозрительное начало присоединяется к ним как бы на заключительном этапе, для полноты картины, чтобы протянуть в будущее, "до предела" вполне реальные процессы и связи. Иначе говоря, упрощение и идеализация в историческом познании являются отражением и продолжением процессов упрощения и идеализации в самой истории. Поэтому можно

сказать, что наша прямая линия приподнимается над исходным, фактическим разнообразием истории, но отнюдь не отрывается от него.

Линейность и прогресс Если эта прямая линия представляет собой последовательное нарастание совершенства, подъем на все новые и новые, более высокие уровни развития, реализующего к тому же определенные человеческие цели, то ее называют линией прогресса, прогрессивной эволюции общества. В этом смысле прямолинейность общественного развития отождествляется с его прогрессивностью. Такова во всяком случае традиция. И не доверять ей у нас нет никаких оснований — ни по форме, ни по существу.

Отсюда понятно, почему линейная концепция истории будет рассматриваться в дальнейшем как концепция прогрессивного развития общества. Сдвиг проблемы, на наш взгляд, вполне естественный, но его стоит прокомментировать в связи с широко распространенным негативным отношением к самому феномену прогресса. Весьма репрезентативен здесь С.Л.Франк: "Вера в прогресс, в неустанное и непрерывное совершенствование человечества, в неуклонное, без остановок и падений, восхождение его на высоту добра и разума, — эта вера, которая вдохновляла множество людей в продолжение последних двух веков, в настоящее время разоблачена в своей несостоятельности с такой очевидностью, что нам остается только удивляться наивности поколений, ее разделявших" [36, с.93].

Да, прогресс нынче не в моде, более того, он старомоден. О нем говорят теперь без всякого энтузиазма, как о пережитке прошлого, иллюзии настоящего и утопии будущего. Актуально, на слуху сегодня иное: кризис цивилизации, деградация морали, выживание человечества и т.п. И все же, думается, общая ситуация не столь однозначна, не так мрачна и безнадежна, как ее пытаются представить. Прогрессисты не перевелись, вера в прогресс по-прежнему движет многими людьми. Обвинение в наивности не останавливает; чаще всего оно воспринимается как указание на то, что ни автоматизма, ни гарантированности в прогрессе самом по себе нет, что его атрибутивность человеческому бытию нужно постоянно воспроизводить, поддерживать, укреплять. Словом, за прогресс необходимо бороться. Но прежде в него нужно верить. Вообще наивная вера в прогресс — один из источников, и немаловажный, его реального исторического существования. Наивность поколений, веривших в прогресс, действительно заставляет удивляться, но только в том смысле, в каком удивление — начало, исток философствования.

Намеченный выше сдвиг проблемы хорошо согласуется также с нашим метапаттерновым подходом к истории. А при его использовании неважно, с какого конкретно отрезка истории — прошлого, настоящего или будущего — мы начинаем. Главное здесь другое — возможность (именно возможность) последующего перехода от части к целому, целому истории, естественно. К тому же реализация возможности может быть здесь и чисто теоретической — достаточно логической последовательности и концептуальной состоятельности: на уровне первоначал или принципов бытия (а метапаттерны именно из их ряда) теория и практика исторически континуальны.

История идеи прогресса

Итак, линейность истории, выступающая в форме ее прогресса. Надо сказать, что линейность и, в особенности, прогресс появились на культурном горизонте сравнительно поздно. Античность (вся, не только греко-римская) их не знала. Впрочем, не совсем так. Линейность в культурном символизме античности присутствовала, но в весьма специфическом виде — как последовательное удаление, неизбежный отход от ценностей и идеалов так называемого золотого века. То есть это был не прогресс, а регресс, или прогресс, обращенный в прошлое, направляемый его нисходящей логикой. Можно сказать: "прогресс к худшему" по аналогии с тем, что имеют в виду, когда говорят, что "болезнь прогрессирует". Как заметил один проницательный исследователь античности, типичный грек был "назад смотрящим животным"; будущее для него было сплошной неопределенностью, выдержать которую он мог лишь одним путем — уподобляя будущее прошлому.

В то же время стоит отметить, что по культурному пространству античности рассеяно немало мыслей, образов, представлений, которые несложно подвести под понятие прогресса. Однако концепции прогресса не было. Мифологический традиционализм античной культуры исключал формирование такой мыслительной традиции. В данной связи приведем одно очень характерное рассуждение Марка Аврелия (а это, между прочим, уже поздняя античность): "В некотором смысле человек, проживший сорок лет, если только он не лишен разума, видел все, что было и что будет, ибо все одно и то же".

Не знали концепции, или теории, прогресса и в средние века. Господство религиозного мировоззрения, столь характерное для того времени, было несовместимо с идеей прогресса. В самом деле, невозможно совместить первородную греховность человека, земную юдоль его бытия, беспомощность его перед лицом судьбы с такими измерениями прогресса, как историческая самостоятельность людей, творческое выстраивание человеком своей жизненной линии, перспектива пусть медленного, но неуклонного совершенствования человека и человечества. Или попробуйте совместить, скажем, последовательность и кумулятивность прогрессивной внутренней трансформации общества с внезапным (в любое время) вмешательством в этот процесс трансцендентной силы, длани Господней. Можно было бы назвать линией прогресса христианско-религиозное движение к спасению, если бы оно (спасение) вытекало из естественно-исторической эволюции общества, являлось делом рук человеческих, а не было подарком небес, чем-то не от мира сего. То же можно сказать и о хилиастической идее ожидания Царства Божия на земле: опять чудотворная трансценденция, божественное вмешательство в естественный ход событий, в дела земные, человеческие.

Вера в прогресс утверждалась в борьбе против религиозной веры за духовную эмансипацию человека. Чистилищем для нее были XVI и особенно XVII вв. — время активного наступления на схоластику, ее догматические принципы, вытеснения традиции и авторитета как критериев истины, время становления опытного естествознания, социальной институционализации науки, все более широкого общественного признания ее ценностей, норм и идеалов. Это было также время упрочения идей гуманизма, социального оптимизма, мироуст-

роительного активизма, светского мировоззрения, индивидуальной ценности и личного достоинства человека. Наконец, на это же время приходится две крупнейшие буржуазно-демократические революции: нидерландская (конец XVI в.) и английская (середина XVII в.). Обозначая перспективу иного общественного устройства, они рвали с традицией и авторитетом уже не только в теории, но и на практике, прежде всего в социально-политической сфере.

Триумф идеи прогресса, соответствующих настроений и ожиданий пришелся на XVIII в. Это был век просвещения, разума, веры в великую освободительную миссию науки, научного знания. В активе XVIII в. — Великая французская революция, открывшая эпоху утверждения и господства капитализма, пожалуй, самой динамичной общественной системы. Как справедливо отмечали Маркс и Энгельс, "беспреданные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность и движение отличают буржуазную эпоху от других" [22, т.4, с.427]. Убедительным свидетельством исторического динамизма (и в этом смысле прогресса) нового общественного строя стал промышленный переворот, т.е. переход от мануфактурно-ручного к фабрично-машинному производству. (Кстати, во Франции он начался сразу после революции.)

О прогрессе в XVIII в. писали многие: Вольтер, Дидро, Даламбер и др. Но полнее и глубже других в этом вопросе был, несомненно, Ж.А.Н.Кондорсе.

<p>Прогрессивное развитие человечества по Кондорсе</p>	<p>Прогресс человечества, общества видится французскому мыслителю Ж.А.Н.Кондорсе (1743 — 1794) как прогресс человеческого разума. Вообще разум, знания, науки, просвещение являются для него мерилom общественного развития, его бродильными дрожжами, его катализатором. Они захватывают и покоряют своим динамизмом все элементы человеческого бытия, все подсистемы, институты, события и связи общественной жизни людей. Ничто не в силах долго противостоять им: с их помощью любое препятствие рано или поздно преодолевается.</p>
---	--

В конечном счете разум является основанием исторического единства истины, счастья и добродетели. "...Природа, — пишет Кондорсе, — неразрывно связала прогресс просвещения с прогрессом свободы, добродетели, уважения к естественным правам человека" [18, с.12]. Разум — лучшее средство борьбы с предрассудками и суевериями, в частности теми, которые возводят все правила поведения, все истины к воззрениям древних, к опыту прошедших веков.

Конечно, не всегда прогресс разума ведет общество к счастью и добродетели. Результатом активности разума являются не только истины, но и некоторые заблуждения. Причины последних следует искать в неустранимой, "всегда существующей диспропорции между тем, что он (разум — П.Г.) узнает и желает, и тем, что он считает необходимым знать" [18, с.13], а также в расхождении "между обширностью знаний и их чистотой" [там же, с. 39]. К тому же каждая эпоха осложняет работу разума своими естественными, с необходимостью возникающими предрассудками, т.е. тем, что "люди сохраняют

зablуждения своего детства, своей родины, своего века еще долгое время после усвоения всех истин, необходимых для разрушения этих заблуждений" [там же, с. 13].

Прогресс разума, наук обуславливает прогресс промышленности. Впрочем этот прогресс, по Кондорсе, двусторонний: прогресс промышленности в свою очередь ускоряет научный поиск, ведет к новым истинам и успехам. Взаимное влияние прогресса наук и прогресса промышленности причисляется философом к "наиболее деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода" [18.С.250].

Разум — двигатель общественного прогресса. Первоисточником же его собственной активности, согласно Кондорсе, является "потребность в новых идеях или новых ощущениях" [18, с.42].

Прогресс — результат развития индивидуальных способностей человека, он действителен и наблюдается только "относительно массы индивидов", применительно ко всем членам общества. Этот результат исторически кумулятивен, а поэтому разворачивается в цепочку связанных друг с другом результатов: "...результат, обнаруживаемый в каждый момент, зависит от результатов, достигнутых в предшествующие моменты, и влияет на те, которые должны быть достигнуты в будущем" [18, с.5]. Отсюда, кстати, следует методологическое правило "последовательного наблюдения человеческого общества в различные эпохи, которые оно проходит" [там же]. На его основе мы обнаруживаем и познаем прогресс. Оно же выводит нас на единство человечества как многообразия культур, наций, народов.

Далее, согласно Кондорсе, прогресс закономерен, подчинен общим законам развития. Фактически это законы развития человеческих способностей, которые в прогрессе находят свое естественное завершение, обобщение или укрупнение. В результате законом становится сам прогресс. Прогресс как закон однозначен в том, что нет "...никакого предела в развитии человеческих способностей, что способность человека к совершенствованию действительно безгранична, что успехи в этом совершенствовании отныне независимы от какой бы то ни было силы, желающей его остановить, имеет своей границей только длительность существования нашей планеты, в которую мы включены природой" [18, с.5]. Прогресс, по мысли Кондорсе, может иметь разную скорость, но "никогда развитие не пойдет вспять" [там же, с.6].

Линию прогресса человеческого разума, человечества Кондорсе расчленяет на 10 исторических этапов, или эпох.

Первая эпоха — исходная ступень цивилизации. Общество представлено здесь семьями, которые в свою очередь объединены в племена. От сообщества животных такое общество отличается искусством строить жилища, изготавливать оружие и домашнюю утварь, умением продолжительно хранить пищу, делать ее необходимые запасы. Рыболовство и охота, частично собирательство — основные виды жизнеобеспечивающей деятельности людей. Из "размышлений и наблюдений, представляющихся всем людям, и даже привычек, которых они придерживаются в течение своей совместной жизни" [18, с.20], рождается язык. Появляются первые

политические учреждения. Наука этой эпохи ограничена начальными познаниями в области астрономии и знакомством с некоторыми целебными травами. Она окружена плотной стеной заблуждений и предрассудков, искажена "примесью суеверия". На эту же эпоху приходится зарождение института духовенства (шаманы, колдуны), который, как пишет Кондорсе, оказывал "на движение разума противоположные влияния, ускоряя успехи просвещения и распространяя в то же время заблуждения" [там же, с.22].

Вторая эпоха характеризуется переходом "от пастушеского состояния к земледелию". Труд становится более производительным, жизнь — более обеспеченной и безопасной. Появляется досуг, так необходимый для развития человеческого разума. Возникает имущественное неравенство. Смягчаются нравы: "рабство женщин становится менее жестоким" [18, с.25]. Появляются деньги, расширяется торговля. Наблюдается некоторый прогресс в области науки (астрономия и медицина). Одновременно "совершенствуется искусство вводить в заблуждение людей, чтобы их легче эксплуатировать, чтобы поработить их воззрение авторитетом, основанным на страхе и наивных надеждах" [там же, с.27].

Третья эпоха охватывает "прогресс земледельческих народов до изобретения письменности". Она характеризуется дальнейшим развитием общественного разделения труда, вместе с ним и классовой дифференциации общества. Возникают города как центры административной и судебной властей. С трудом, но создаются новые формы государственного устройства, названные впоследствии республиками. Войны и завоевания, которых так много в этот период, пагубно влияют на развитие ремесел, но одновременно содействуют их распространению и совершенствованию. Профессия первых колдунов и шарлатанов наследуется кастой жрецов. Обман со стороны жреческого сословия, сознательное насаждение ими невежества среди народных масс — основная причина возникновения и существования религии, считает французский просветитель.

Четвертая эпоха — "прогресс человеческого разума в Греции до времени разделения наук в век Александра". Греция, отмечает Кондорсе, отличается от других стран и государств прежде всего тем, что наука здесь не стала занятием и наследственной профессией особой, замкнутой касты людей. Свобода и многообразие научного поиска в соединении с политической, или полисной, свободой в Греции обеспечивают быстрый прогресс человеческого разума. Развиваются культура теоретизирования, искусство наблюдения фактов. Особого прогресса, или совершенства, в Греции достигают изящные искусства. Но без заблуждений, предрассудков и суеверий не обходятся и здесь. Убедительное тому подтверждение — смерть Сократа. "Она — первое преступление, которое породила борьба между философией и суеверием" [18, с.59]. Эта борьба, по убеждению Кондорсе, будет продолжаться до тех пор, пока не переведутся на земле "священники или цари".

Пятая эпоха — период, когда произошел "прогресс наук от их разделения до их упадка". Подходит к концу время, когда философия отождествляла себя со всеми науками, с наукой как таковой. В самостоятельные дисциплины выделяются все новые и новые отрасли зна-

ния. Множится число философских школ и направлений. Их борьба между собой возвышает и одновременно подрывает науку, ибо распространяются скептическое отношение к уже доказанным истинам, мания "обособиться странными воззрениями", чувство тщеты и бессмысленности всех познавательных усилий человека. Самое значительное событие этой эпохи — политическое господство Рима, Римской империи. Соединение под одной крышей столь разных и многочисленных народов способствовало "более широкому и равномерному распространению просвещения" [18, с.89]. В пятую эпоху происходит загнивание и медленное внутреннее умирание еще недавно такой могущественной Римской империи, сопровождающееся (и не случайно) распространением и возвышением христианской религии: "...торжество христианства, — отмечает Кондорсе, — было сигналом полного упадка наук и философии" [18, с.94].

Шестая эпоха ограничена упадком просвещения "до его возрождения ко времени крестовых походов". Здесь выделяются две части: Запад и Восток. На Западе упадок более быстрый и более полный, но в конце концов вновь появляется свет разума, "чтобы уже никогда не погаснуть". На Востоке упадок более медленный и менее полный, но перспектива разума и просвещения выглядит более чем призрачной. Варвары, разрушившие Рим, отличаются невежеством и свирепой жестокостью нравов. Но среди разрушенного и уничтоженного ими есть и рабство, "которое позорило прекрасную жизнь ученой и свободной страны" [18, с.101]. Рабство сменяется крепостничеством. Оно осуждается христианским принципом всеобщего братства. В то же время религия с ее невежеством, суеверием, нетерпимостью и фанатизмом угнетает все "проявления гражданской жизни". Народ стоит под "тройной тиранией — королей, полководцев и духовенства" [18, с.105].

Седьмая эпоха ведет отсчет "от первых успехов наук в период их возрождения на Западе до изобретения книгопечатания". В атмосфере нелепых суеверий, нетерпимости и лицемерия духовенства, на фоне религиозных войн и костров инквизиции дух свободы и исследования все-таки прогрессирует. Подавленный в одной стране, он возрождается и подпольно распространяется в другой. Предрассудки злобно и тайно высмеиваются. Свобода мыслить питается презрением к суевериям, лицемерию и ханжеству, протестом в пользу "прав разума". Крестовые походы с их энтузиазмом завоевания святых мест расширяют кругозор завоевателей, внушают им индифферентизм к религиозным верованиям. "Крестовые походы, — отмечает Кондорсе, — предпринятые во имя суеверия, послужили для его разрушения" [18, с.120].

Но разум все еще не свободен. Книги изучаются "более природы, а воззрения древних лучше, чем явления вселенной" [18, с. 126]. Авторитет людей по-прежнему выше авторитета разума.

Развивается производство. Появляются ветряные мельницы и бумажные фабрики, компас, благодаря которому совершенствуется искусство мореплавания. Порох производит переворот в военном деле.

Восьмая эпоха начинается с изобретения книгопечатания и продолжается "до периода, когда науки и философия сбросили иго авторитета". Книгопечатание, считает Кондорсе, — эпохальный рубеж в

развитии человеческого рода. С этого времени прогресс становится неудержимым и окончательно необратимым. Печатная книга наносит смертельный удар по замкнутости и кастовости науки. Факты и открытия с ее помощью становятся доступными всем, кто умеет читать.

Восьмая эпоха — эпоха великих географических открытий. Человек получает возможность изучить весь земной шар, все страны и народы. Правда, делает он это не только под влиянием благородного любопытства, отваги и мужества, но и низкой, жестокой жадности, тупого и дикого фанатизма. Нехристиане не признаются людьми и варварски истребляются. Идея равенства и братства людей "всех климатов" с трудом пробивает себе дорогу.

Реформация во главе с Лютером начинает освобождать от папского ига европейские народы, отказываясь от исповеди, индульгенции, институтов монашества и безбрачия священников, она очищает мораль и уменьшает развращенность нравов. Однако дух религиозного реформаторства не до конца последователен и свободен. Разуму по-прежнему отказывают в полной свободе, хотя пределы, ему полагаемые, становятся менее стеснительными.

Философы учат тому, что свобода есть благо неотчуждаемое, что отношения между народами и королями, их взаимные права и обязанности должны определяться общественным договором. Разум и природа начинают претендовать на роль единственных авторитетов и учителей человечества.

Поразительные успехи делает наука. Галилей, Коперник, Кеплер — эти имена говорят сами за себя. Зарождается дух критики, без которого наука — не наука. В науку внедряются наблюдение, опыт, вычисления.

Итог рассматриваемой эпохи: разум еще не свободен, но он уже знает, что "создан для свободы".

Девятая эпоха берет свое начало от Декарта, а завершается образованием французской республики. Разум "окончательно разбивает свои цепи" [18, с. 160]. Остаются ограничения, связанные с самой организацией нашего ума и сопротивлением, которое природа вложила в предмет нашего познания. Законы гарантируют личную и гражданскую свободу. Человек уже точно не раб, хотя действительно свободным ему еще предстоит стать. Дух коммерции и промышленности смягчает нравы. Религиозная нетерпимость теряет свою ярость. Распространение просвещения приобретает невиданные ранее масштабы. Решение и мнение большинства поднимаются на уровень критерия обязательности и признака истины, "которая могла бы быть принята всеми без нарушения равенства" [18, с. 164]. Становится более очевидной связь любого равенства с тем, что сама природа наделила всех людей равными правами. Обеспечение каждому его естественных прав становится "единственно полезной политикой".

Из самой природы нашей чувственности философы выводят неизменные и необходимые законы справедливости. Исчезает "унижение разума перед образом сверхъестественной веры" [18, с. 175].

Новая философия разоблачает все преступления фанатизма и тирании, все то, что носит характер угнетения, жестокости, варварства. Ее лозунги — разум, терпимость, человечность. На этой почве философия неизбежно сталкивается с развращенностью и невежеством

правительства и становится идейной вдохновительницей революции. Вначале американской, а потом и французской.

Картина прогресса науки становится еще более яркой и панорамной. Образ Ньютона по праву выдвигается в ее центр. Успехи наук разрушают предрассудки и изощряют человеческий ум. "Нет ни одной религиозной системы, ни одной сверхъестественной нелепости, — отмечает Кондорсе, — которая не основывалась бы на незнании законов природы" [18, с. 208 — 209]. Не менее впечатляющи результаты развития изящных искусств: музыки, живописи, литературы.

Однако большая часть людей по-прежнему коснеет в предрассудках, суевериях, невежестве. А ведь успех каждого открытия, любой новой теории, полагает Кондорсе, измеряется в конечном счете той пользой, которую они доставляют массе человеческого рода. Масштаб масс, по Кондорсе, есть масштаб прогресса, разума, справедливости, тот предел, по которому только и можно судить о действительном совершенствовании человечества.

Десятая эпоха отводится французским просветителем будущему прогрессу человеческого разума. "Улучшение состояния человеческого рода", по мнению Кондорсе, будет осуществляться в трех основных направлениях: "уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами того же народа, наконец, действительное совершенствование человека" [18, с.221].

В самой природе вещей никаких пределов нашим надеждам на прогресс нет. Развитие отсталых народов, высказывает предположение философ, будет, вероятно, более быстрым и происходить с меньшими издержками, поскольку они смогут воспользоваться плодами просвещения и прогресса могущественных европейских наций. Со стороны последних следует ожидать уважения к независимости слабых государств, гуманного отношения к их невежеству и нищете.

Кондорсе много говорит о равенстве, в то же время не являясь сторонником уничтожения всякого неравенства. С его точки зрения, конечные причины неравенства естественны и необходимы; они коренятся в очевидном различии способностей людей, которое благоприятствует прогрессу цивилизации. Полностью уничтожать социальные следствия естественного неравенства людей нелепо и опасно. Идя на это, человек рискует открыть еще более обильные источники неравенства, нанести правам людей еще более сильные и губительные удары. Уничтожать, уменьшать, смягчать, согласно Кондорсе, нужно только непомерно разросшееся социальное неравенство. Оно действительно принижает и угнетает человека, создавая тем самым препятствия на пути целостного развития общества, его прогресса. Уменьшая социальное неравенство, неравенство богатства, социального обеспечения (в случае наследства и без него), образования, человек в чем-то сможет смягчить и естественное неравенство способностей, во всяком случае не допустить его укрепления. Действительное равенство достигается тогда, когда различия в знаниях и талантах не воздвигают барьеров между людьми, не мешают им свободно общаться и понимать друг друга. Такое равенство устанавливается только в развитом, просвещенном обществе, между просвещенными и свободными людьми.

Как и в прошлом, грядущий прогресс человечества будет обеспечиваться прежде всего безграничным развитием наук: математических и физических, служащих удовлетворению наших первичных, простейших потребностей; моральных и политических, призванных оказывать "действие на мотивы, которые руководят нашими чувствами и поступками" [18, с.246]. Будущее принесет с собой равенство полов. Люди станут рассматривать войну как величайшее преступление. "Народы узнают, что они не могут стать завоевателями, не потеряв своей свободы" [там же, с.248]. Средняя продолжительность жизни будет непрерывно возрастать. Нас ожидает много других удивительных вещей.

Кондорсе горячо верил в то, что настанет время, "когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кроме своего разума" [18, с.227 — 228]. Что ж, возможно. Будем надеяться на это.

В XIX в. наиболее приметными фигурами в проблеме и теории прогресса были О.Конт и Г.Спенсер.

Конт о прогрессе Для О.Конта (1798 — 1857), основателя позитивизма, отца социологии, прогресс был одним из самых интересных и исследовательски притягательных феноменов человеческого бытия. Прогресс выступал в качестве важнейшего ориентира всех его творческих исканий и научных притязаний.

Концепция прогресса является базовой в контовской социологии. И не только в силу личных пристрастий и научных предпочтений, а прежде всего потому, что, по убеждению французского мыслителя, прогресс — это "фундаментальный принцип человеческого общества" [47, с.67]. Конт считает, что все элементы, характеристики, связи его позитивной социологии могут быть суммированы или синтезированы в девизе "Порядок и Прогресс". Контекст, или горизонт, целого у этого девиза предельно широкий — всеобщая коррелятивность существования и движения в мире. Она различима уже в неживой природе, но особенно заметной становится в живой. В социологии, — пишет Конт, — эта корреляция принимает следующую форму: Порядок — условие всякого Прогресса; Прогресс — всегда цель Порядка" [47, с.116]. Иначе говоря, прогресс для основателя позитивизма есть не что иное, как развитие порядка, как "порядок, ставший очевидным". Сама природа, ее внутренний порядок, считает он, содержит в себе "зародыш всякого возможного прогресса". Механизм его роста или развития в целом — эволюционная последовательность, т.е. укорененность любого явления в прошлом и его продолжение, по меньшей мере своими следствиями, в будущем. "Каждая социальная инновация имеет свои корни в прошлом; от самых примитивных этапов в жизни дикаря тянется цепочка всех последующих улучшений" [там же].

По существу прогресс у Конта совпадает с социальной динамикой, которая в свою очередь распадается на три стадии: теологическую, метафизическую и позитивную. Три стадии социальной динамики — это, иначе говоря, три исторические эпохи в развитии человеческого общества. Основой развития, по Конту, является прогресс челове-

ского разума, человеческого духа. Поэтому три указанные стадии, или эпохи, можно с полным основанием назвать тремя ступенями умственной эволюции человечества.

На первой, теологической, ступени превалируют антропоморфизм и анимизм. Люди осваивают мир, уподобляя его своим собственным свойствам, стремлениям, волевым действиям, наделяя все явления жизнью, подставляя под видимый мир мир невидимый, словом, мыслят в терминах трансцендентных (выходящих за физические границы) сущностей. Исторический предел этой ступени — замена многочисленных и независимых друг от друга божеств одним, единым Богом.

Вторая, метафизическая, ступень характеризуется деперсонификацией всех олицетворенных объяснений первой, заменой живых образов трансценденции спекулятивно-тощими абстракциями, такими, как "сила", "причина", "сущность" и т.д. Божества здесь становятся субстанциями. Предел этой ступени — замена разнообразных сущностей "одной общей великой сущностью, природой" [20, с.4].

На третьей, позитивной, ступени достигается высшее знание как результат описания взаимоотношений явлений в терминах последовательности, сходства, сосуществования. Теперь их законы видят в неизменных отношениях последовательности и подобия явлений. "Мы ограничиваемся, — пишет Конт, — точным анализом обстоятельств возникновения явлений и связываем их друг с другом естественными отношениями последовательности и подобия" [20, с.8]. Нет и в помине претензии на глубинное, причинное объяснение. Предел позитивной ступени — возможность и стремление представить все отдельные явления как "частные случаи одного общего факта, подобного, например, тяготению" [20, с.5], или, говоря другими словами, низведение числа неизменных естественных законов, которым подчинены все явления, до определенного минимума (но, видимо, все же не до одного закона) [там же, с.8]. Каждая ступень умственной эволюции имеет свои социальные, экономические и культурные корреляты. В этом плане теологическая ступень является авторитарной и военной, метафизическая — легистской и церковной, а позитивная ступень характеризуется научно-промышленной активностью. Здесь, кстати, наблюдается полное соответствие с семантикой самого термина "позитивное". Его базовым элементом служит как раз полезность.

Три ступени умственной эволюции человечества являются одновременно фазами, или этапами, развития самого человека, отдельной личности, и даже не одновременно, а исходно, в своих истоках. Каждый из нас, по Конту, проходит эти этапы: теологии в детстве, метафизики — в юности, физики (позитивной науки) — в зрелом возрасте. Вообще рассматриваемая трехэтапность как закон направляет развитие всей жизнедеятельности людей; ее можно зафиксировать в любой сфере человеческого бытия. Причем порядок этих этапов строго необходим, он вытекает, согласно Конту, из самой природы человеческого разума.

От ступени к ступени, от этапа к этапу все полнее и убедительнее реализуется главная цель всей жизни человека, личной и общественной, — ее постоянное улучшение или совершенствование по всем направлениям, во всех доступных формах и отношениях, как духовных, так и материальных. "Нация, — замечает Конт, — которая не

предприняла необходимых усилий, чтобы улучшить свое материальное положение, будет проявлять мало интереса и к своему моральному или духовному совершенствованию" [47, с.117].

Совершенствование как цель жизни, по Конту, не только постоянно, но и объективно. Если разобраться, не мы ее, а она нас выбирает. В конечном счете за этой целью стоит инстинктивное стремление человеческого рода к совершенствованию, особое сочетание личных инстинктов человека [28, с.117].

В то же время люди и не совершенно беспомощны, скажем так, перед лицом прогресса. Историческое развитие, по мысли Конта, "слагается из ряда прогрессивных колебаний, более или менее долгих и более или менее медленных по обе стороны средней линии... Эти колебания могут быть сделаны более короткими и более быстрыми посредством политических комбинаций, основанных на знании среднего движения, стремящегося всегда стать преобладающим" [28, с. 121]. Конт называет эти комбинации также второстепенными видоизменениями неизменности (неизбежности, неперерешаемости) общего хода истории [29, с.69].

Люди не пешки в руках общего исторического процесса, или хода цивилизации, еще и потому, что все его зависимости и связи выходят так или иначе на прогресс человеческой природы. Последняя включает в себя чувство, разум и деятельность. Ее единство обеспечивается преобладанием или доминированием чувства, аффективного принципа (сердца) над разумом и деятельностью. Чувство инициирует сближение и продуктивное взаимодействие разума с деятельностью. Оно внушает "искреннее и привычное желание делать добро" [29, с.59]. Разум познает, находит истинные средства для удовлетворения этого желания, а деятельность обеспечивает их эффективное применение или приложение.

Однако было бы неверно понимать сказанное как приравнение чувства, жизни человеческого сердца к одному желанию делать добро. На самом деле в сфере чувства или чувств, как их понимает Конт, идет упорная и нескончаемая борьба между эгоизмом и альтруизмом. Отсюда следует, что склонность и стремление к добру являются определенным показателем "возобладания доброжелательных страстей над эгоистическими душевными движениями" [29, с.59], мерилем морального прогресса человеческой природы.

Кроме морального, самого глубокого и исторически трудоемкого, Конт выделяет также физический и умственный прогресс. Физический прогресс человеческой природы — это увеличение продолжительности жизни, улучшение здоровья и т.п. Умственный прогресс заключается в усилении и развитии таких наших способностей, как наблюдение, логико-математическое рассуждение, индукция, дедукция и т.д.

В обществе, основанном на позитивных началах, чувство, разум и деятельность (характер) взаимно укрепляют, дополняют и развивают друг друга. Однако позитивные начала общества не исчерпываются тремя началами человеческой природы. Своим комплексным взаимодействием они создают лишь необходимые, но недостаточные условия общественного единства, или общественного сотрудничества людей. Полноценное единство общества, по Конту, обеспечивается

не тремя, а четырьмя началами. То есть к трем названным добавляется еще одно, именуемое поначалу довольно абстрактно — единым центром. Будучи единствообразующим принципом, данный центр объединяет вокруг себя чувства, разум (рассудок) и деятельность [30, с.49]. Единый центр уточняется далее как великое понятие Человечества, заменяющее Бога и устанавливающее окончательное (естественное, закономерное) общественное единство.

Иными словами, речь идет о новой, позитивной религии, религии Человечества. Конт убежден, что "постоянное поклонение человечеству воспламенит и очистит все наши чувства, возвысит и осветит наши мысли, облагородит и украсит все наши действия" [30, с. 150]. С "обожением" Человечества "истинно-священный характер" приобретает и наука, а ученые становятся настоящими жрецами общества.

Человечество как Великое Существо, которое мы религиозно чтим, не есть человеческое общество в его эмпирической данности (полноте, всеохватности) и исторической фактичности. Это не современное Конту человечество, во многом невежественное, жадное, грубое, и не возможная перспектива его будущего справедливого устройства. Великое Существо охватывает наиболее достойных представителей человеческого рода, мертвых и живых, все то лучшее, что было, есть и будет в историческом творчестве людей. По существу перед нами культ великих и достойных людей человеческой истории.

Религия человечества — это религия любви к человечеству как тому, что объединяет и возвышает всех людей в их нелегком, но исполненном смысла движении по пути прогресса, который, по Конт, является "всегда только развитием порядка, вытекающего из любви" [30, с. 150]

Можно по-разному относиться к религиозному завершению контовской концепции прогресса. Многим это покажется наивностью. Но нельзя не признать, что по-своему эта концепция логична, последовательна и состоятельна. Если прогресс действительно обеспечивается развитием науки, то не молиться на нее нельзя.

**Прогресс
как прогресс
разнородности**

Разработку проблемы прогресса после Конта продолжил Г.Спенсер (1820 — 1903). Спенсер не согласен с теми, кто сводит прогресс либо к росту числа познанных фактов и понятых законов, либо к производству как можно большего количества самых разнообразных товаров, служащих удовлетворению столь же разнообразных человеческих потребностей, либо к тем изменениям, которые ведут к возвышению человеческого счастья и другим подобным вещам. В действительности, настаивает английский философ, прогресс кроется в сущности или внутреннем характере тех изменений, внешним, сопутствующим, "теневым" выражением которых и служат все названные явления.

Матрицей, или моделью, любого прогресса является, по Спенсеру, прогресс органический — изменение и рост индивидуального организма, растительного или животного. Сущность его видится Спенсеру в переходе "от однородного к разнородному", и он делает такое универсальное обобщение: "Начиная от первых сколько-нибудь за-

метных космических изменений и до последних результатов цивилизации, мы находим, что превращение однородного в разнородное есть именно то явление, в котором заключается сущность прогресса" [31, с.3].

Для пояснения своей мысли Спенсер приводит пример Солнечной системы: нынешняя ее дифференцированность разительно отличается от однородности той туманной массы, из которой она, по гипотезе, возникла. Та же тенденция к разнородности, дифференцированности наблюдается и в истории позвоночных. Рыбы — самые ранние из известных позвоночных и самые однородные. Разнородность нарастает в процессе видообразования: рыбы — пресмыкающиеся — птицы — млекопитающие. С особой полнотой и убедительностью прогресс проявляется в человеке, самом разнородном живом существе на Земле. Первобытный человек более разнороден, или дифференцирован, нежели его животный предок. У него больший объем костей, накрывающих мозг, значительно более разнороден позвоночный столб, более сложная и разнообразная нервная система. Все эти характеристики к тому же непрерывно усложнялись в процессе исторического развития человека, по мере перехода от дикости к цивилизации и дальнейшего совершенствования последней. Это же можно сказать о появлении и последующей дифференциации человеческих рас. Словом, человеческий род становился и стал очень разнородным целым.

Общий закон, закон усложнения, нарастания разнородности с определенностью проявляется также в социальной истории человечества. Первобытное общество, по Спенсеру, есть "однородное собрание личностей". У всех одна власть, одна, одинаковая деятельность. Заметные различия связаны только с полом. С течением времени, однако, появляется разделение на управляющих (старейшин) и управляемых (остальных членов племени), и оно все углубляется: власть становится наследственной, правитель освобождается от всех других забот и занимается только управлением. Поначалу слитное, единое гражданское и религиозное управление затем разделяется. Гражданская власть развивается в сложную политическую систему — государство, религиозная — в церковь. Возникает и усложняется должностная иерархия, обставляемая всевозможными церемониальными обрядами, обычаями, другими условностями. Масса управляемых в соответствии с развитием общественного разделения труда постепенно распадается на "отдельные классы и разряды рабочих". Разделение труда между отдельными производителями и классами ("частями одного и того же народа") со временем дополняется промышленной специализацией каждого народа. Это в свою очередь ведет к экономической зависимости народов друг от друга, к "экономическому объединению всей человеческой расы".

Нарастание разнородности и на этой основе интегрированности наблюдается во всех проявлениях человеческой жизнедеятельности: языке, живописи, скульптуре, поэзии, музыке, танце, истории одежды.

Закон перехода от однородного к разнородному, полагает Спенсер, остается эмпирическим обобщением до тех пор, пока не установлена предполагаемая им всеобщая причина, пока он не представлен в качестве следствия какого-нибудь всеобщего начала. Таковым началом, по Спенсеру, оказывается характерное или единственное свойство изменений, составляющих исходный материал всякого прогресса.

са. Это свойство в виде закона изменений формулируется им следующим образом [31, с.31]: *"Каждая действующая сила производит более одного изменения, каждая причина производит более одного действия"*. Обратимся к поясняющему примеру, приводимому Спенсером. Принято думать, что результатом удара одного тела о другое является всего лишь изменение положения или направления движения одного или обоих тел. На самом деле причинно-следственная картина здесь много сложнее. Результатов (действий, следствий) несколько, много. Кроме уже отмеченного, чисто механического результата возникает также звук, происходит перемещение частиц тела (в точке соприкосновения с другим телом), что приводит к увеличению его плотности, следствием чего в свою очередь является выделение теплоты. Дополнительно иногда возникает искра, от искры — пламя и т.д. Таким образом, одна исходная механическая сила, сила удара — источник множества самых различных изменений. Сходную картину можно наблюдать и в других случаях, вообще во всех без исключения случаях.

Поскольку всякая действующая сила является источником более чем одного изменения, можно сделать вывод, что всегда, во все времена происходило и происходит постоянно возрастающее усложнение вещей.

После тщательного и всестороннего рассмотрения проблемы развития как проблемы прогресса Спенсер останавливается на самой общей и правильной, с его точки зрения, формулировке закона изменений: *"всякое изменение сопровождается более нежели одним изменением"* [31, с.41]. Разбегающиеся веером, постоянно множась цепочки изменений, восходящие к одному какому-либо фактору, вообще-то не знают ограничений, нередко достигая пределов целого, сказываясь на целостных характеристиках общества, социального организма. Иначе говоря, происходящие в мире изменения не чужды логике части и целого.

Достаточно сослаться на книгопечатание. Цепочки вызванных ими материальных, духовных, нравственных изменений затронули все общество, сказались и продолжают сказываться на его истории в целом. Спенсер рассматривает в качестве примера последствия изобретения паровой машины и такого ее воплощения, как локомотив, — один из символов европейской Промышленной революции. Изобретение локомотива привело к появлению сети железных дорог во всем мире, изменению ландшафта, всего хода торговли, привычек народов, стимулировало работу многих (если не всех) отраслей промышленности, вызвало к жизни новые профессии: кондукторов, кофегаров, укладчиков рельсов и т.д. Локомотив, по образному выражению Спенсера, заставил "пульс народа биться быстрее". Его исторически преобразующая сила отразилась на действиях и мыслях едва ли не каждого человека.

Изменения увеличивают разнообразие общества, умножают его прогресс. Чем разнообразнее и прогрессивнее ситуация, в которой действует та или иная сила, тем сложнее, многочисленнее и в целом благотворнее ее результаты.

Итак, заключает Спенсер, "прогресс не есть ни дело случая, ни дело, подчиненное воле человеческой, а благотворная необходимость" [31, с.57]. Словом, хочет человек или нет, а прогресс есть и будет, он объективен.

Линейность Отношение к прогрессу в XX в., особенно во второй
"конца истории" его половине, более чем сдержанное. Сама идея прогресса оттеснена на периферию духовной жизни. И все же интерес к ней не пропадает, а время от времени даже оживляется, как это произошло, например, в связи с концепцией "конца истории", недавно заявленной Френсисом Фукуямой.

До сих пор мы знали только "светлое прошлое" (различные варианты "золотого века") и "светлое будущее" (коммунизм, другие утопические проекты). Фукуяма же знакомит нас со "светлым настоящим". Его можно назвать также "вечным настоящим" или историей "остановившегося мгновенья", которое, естественно, прекрасно, гармонично, совершенно, а значит, и окончательно прогрессивно. Дальнейшее движение возможно только как совершенствование совершенства.

Хотя и с оговоркой "вероятно", Фукуяма утверждает, что мы являемся свидетелями "конца истории как таковой", т.е. завершения "идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления" [37, с. 135]. Конец XX в. отмечен триумфом Запада, западной идеи либерализма, у которой теперь нет "никаких жизнеспособных альтернатив". "Конец истории" — выражение фигуральное, метафорическое, не несущее буквального смысла, поскольку с "концом истории" история вообще-то не прекратится. Социально-событийный поток жизни будет катиться и дальше. Просто уже не будет и не должно появиться ничего принципиально или эпохально нового. Можно сказать: "ситуация состоявшегося прогресса" или даже "топтания на месте", если бы место это, как уверяет Фукуяма, не было бы верхом благополучия и совершенства. История будет как-то продолжаться и после "конца истории" еще и потому, что, как пишет американский политолог, "либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко" [37, с. 135]. Значит, победа наполовину? Ничего подобного! Автор продолжает: "Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот, идеальный мир и определит *в конечном счете* мир материальный" [там же].

Свой "идеалистический уклон" Фукуяма усиливает, называя сознание и культуру материнским лоном экономики, разделяя, как и многие другие исследователи, мысль о том, что "человеческое общество может быть построено на любых произвольно выбранных принципах, независимо от того, согласуются ли эти принципы с материальным миром" [37, с. 139].

Современный мир не однороден, он разделен на две части: историю и постисторию. На задворках постистории немало стран и народов — большая часть стран третьего мира, разные албании и буркина-фасо. Постистория ограничена только теми, кого Фукуяма причисляет к авангарду человечества, лидерами современного мира: странами Европы, Северной Америки, Японией, другими индустриально развитыми странами. Но от этого ее победный универсализм нисколько не страдает. "...В конце истории, — пишет Фукуяма, — нет никакой необходимости, чтобы либеральными были все общества, достаточно, чтобы были забыты идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития" [37, с. 144]. Весьма приме-

чательное суждение: главное, оказывается, забыть и отказаться, и тогда "высокие формы общежития" исчезнут, история навсегда освободится от этого искуса. Но... В современном обществе живы претензии не только на более высокие, но и на менее высокие формы общежития. В конечном счете за этим стоит альтернативность истории, которую отменить никак нельзя.

Либерализм в XX в., считает Фукуяма, одержал внушительную победу над фашизмом и коммунизмом (марксизмом-ленинизмом). Он также успешно справляется с религиозным фундаментализмом и национализмом.

Выходит, гордое одиночество? Нет, печальное. В этом признается и сам Фукуяма: "Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, — вместо всего этого — экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворении изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории... Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее североатлантической и азиатской ветвями... Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?" [37, с.148].

Итак, получается, что человечество в своем странствии по истории набрело наконец-то на истинный, совершенный путь развития. Имя ему — либеральная демократия и сопутствующие ей рынок, свобода предпринимательства, конкуренция, уважение прав человека и т.д. Институты и ценности либеральной демократии самодостаточны и в этом смысле окончательны. И остается их только как можно полнее реализовать:

Либерально-демократическое завершение истории по-своему привлекательно, стройно и убедительно, и его принимают сегодня благосклонно. Это во многом объясняется тем социально-психологическим "циклоном", который сформировался над шестой частью суши после 1985 г. Принесенное им ненастье в виде жесточайшего кризиса некогда одной из самых приметных исторических альтернатив, так называемого реального социализма, невольно склоняет симпатии людей к западной модели общественного развития, а для многих граждан теперь уже бывшей социалистической системы нынешний Запад в отличие от родины представляется чуть ли не земным раем, светлым будущим, там состоявшимся. Не вдаваясь в детали этих оценок и настроений, заметим только одно: ад на Земле возможен, его ужасный лик хорошо знаком истории, но вот рай, рай на Земле невозможен. Не на тех китах, то бишь Иванах (Мишелях, Джонах), она стоит. Кроме того, на ней, нашей грешной Земле, много загадочного: Король умер — да здравствует король! или Бог умер — да здравствует Бог! (Реванш последнего, кстати, отмечается многими исследователями.)

Концепция "конца истории", на наш взгляд, явно упрощает основные тенденции современного мирового развития — взаимозависимого, но дискретного и плюралистического в своей основе. Достижениям и успехам западной цивилизации придается статус универсаль-

ных, общечеловеческих ценностей, что вовсе не бесспорно. В мире, насчитывающем по меньшей мере восемь различных цивилизаций (западная, исламская, конфуцианская, индуистская, японская, православно-славянская, латиноамериканская, африканская), общечеловеческими становятся далеко не всякие достижения. Здесь нет и не может быть автоматизма, тем более в отношении фундаментальных культурных ценностей, а не научных открытий или технических изобретений (они действительно легко становятся универсальными и только в этом смысле общечеловеческими).

Общечеловеческий статус получают лишь те из них, которые опираются на взаимопонимание различных (в пределе всех) цивилизаций. То есть этот статус носит коммуникативный, поисково-согласительный, а не "копилочный", механически-собираТЕЛЬный характер. Ясно, что не все ценности западной либеральной демократии выдерживают тест на коммуникативное сближение и духовное взаимообогащение современных, ныне реально существующих цивилизаций.

Кроме явной универсализации в концепции "конца истории" много неумеренной, излишней идеализации. О реальных противоречиях жизни под знаком или в форме либеральной демократии в ней говорится мало и как-то невыразительно, приглушенно. Упоминаются только безликость и духовная пустота потребительства, этнические и национальные напряженности, известные экологические трудности. А можно и нужно добавить безработицу, преступность, наркоманию, отчуждение, коммерциализацию чисто человеческих связей и прочее, и прочее, и прочее. Все это — историческая цена, социальная плата за либеральную демократию. Как уверяют, она создает эффективные средства борьбы со всеми этими болезнями. Но стоит ли восторгаться средствами (рецептами, лекарствами), не лучше ли избавиться от самих болезней, перестать плодить их.

По всему видно, что нам еще долго жить в истории, наслаждаться, но и мучиться ее прогрессом.

